

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Материалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастріотто-Скандербеку.¹⁾

С.-Петербургъ, 19-го февраля 1857 г.

Любезный другъ Кастріотто! Во-первыхъ, сообщаю тебѣ грустное извѣстіе: Глинка скончался въ Берлинѣ. Теперь мы хлопочемъ дать, въ память его, большой концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ филармоническаго общества. Въ концертѣ будутъ исполнены исключительно его сочиненія.

Выбралъ я тебѣ руаяль краснаго дерева. Руаяль прелестный, но не крикливый, такъ-называемый концертный, а мягкій, услаждающій слухъ и ласкающій пальцы. Одно только будетъ для тебя горестно: Эшенбахъ нездоровъ, у него рана на рукѣ; а такъ какъ онъ и при Виртѣ самъ окончателно проходилъ клавиатуру, то и теперь ни за что не хочетъ отослать его, не исполнивъ этого съ особеннымъ стараніемъ для меня. И ты получишь руаяль, быть можетъ, двумя недѣлями позже.

Счетъ при семь посылаю. А такъ какъ я и изъ этого счета, сверхъ пяти рублей, которые не досланы тобою, по-жидовски выторговалъ у него еще незначительную сумму, то взамѣнъ этой сдачи, чтобы не пересылать тебѣ денегъ, я разсудилъ послать тебѣ, хочешь-ли, не хочешь-ли, нѣсколько напечатанныхъ номеровъ моей „Русалки“. Это уже моя взятка, впередъ не давай мнѣ комисій. На дняхъ вышлю къ тебѣ эту посылку.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358; 565—574.

На счетъ комисій твоихъ въ книжныхъ и журнальныхъ лавкахъ, пожалуста избавь меня: я съ ними никогда никакихъ сношеній не имѣю и не желаю имѣть; это мѣръ брани и личностей, который мнѣ противенъ.

За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1857 г.

Рукаль твой давно высланъ: теперъ уже долженъ быть у тебя. Хорошъ-ли?

На счетъ изданія твоихъ романсовъ, я, ради тебя, сунулся въ журнальную грязь, говорилъ о нихъ двумъ музикальнымъ журналистамъ. Оба на словахъ согласились издать ихъ и обѣщали пріѣхать ко мнѣ для разсмотрѣнія и выбора. До сихъ поръ ѣдутъ—да недоѣзжаютъ. Послать имъ рукописи твои я не рѣшаюсь: пропадутъ. Бѣда въ томъ, что всѣ эти журналисты и ихъ родственники пишутъ романы, стихи и статьи; потомъ сами себя и другъ друга расквашиваютъ въ газетахъ, и такимъ образомъ надуваютъ вашихъ бѣдныхъ провинціаловъ, которые съ такимъ благоговѣнїемъ вѣрятъ всему печатному.

Ежели бы ты самъ былъ здѣсь, то, можетъ быть, и поладилъ бы съ журналистами и фельетонистами: стѣять только выпить съ ними настойки, выставить закуску, да бранить тѣхъ, кого они бранятъ; все пойдетъ по маслу. Что касается меня, — скажу тебѣ, что я не только не веду съ ними знакомства, но даже и не читаю ни одной газеты, ни одного журнала; а читаю книги, въ которыхъ уже увѣренъ заранѣе, что не встрѣчу никакого продажнаго мнѣнїя, безотчетной брани, или недобросовѣстной похвалы. Къ тому же, тебѣ давно извѣстно, что я общество пѣвицъ предпочитаю всякому другому. По-мѣтому, не будь на свѣтѣ пѣвицъ—не стоило бы быть и композиторомъ. При такихъ обстоятельствахъ, при всемъ моемъ желанїи исполнить просьбу твою, я чувствую, что не смогу. Да и повѣрь мнѣ, заочно эти вещи дѣлать невозможно. Свой авторскій глазъ необходимъ.

За симъ прощай. Пиши, если не лѣнь. Я всегда съ удовольствїемъ читаю письма твои. Даргомыжскій.

IV.

Письма Даргомыжскаго къ его сестрѣ Софьѣ Серг. Степановой.¹⁾

Варшава, 6-го ноября (1864).

Прежде всего, друзья мои, благодарю васъ за ласковые проводы. Поблагодарите отъ меня и всѣхъ тѣхъ, которые простились со мною на желѣзной дорогѣ. Первый день ѣхалъ я въ уныломъ настроеніи духа. Отставные военные рассказывали другъ другу про доблести свои, а я—зѣвалъ. На другой день пахатные поля, зелень, тополи и пасущіеся стада подѣйствовали на меня отрадно. Въ Варшавѣ засталъ я прекрасный осенній день..... А. Даргомыжскій.

Варшава, понедѣльникъ, 9-го ноября (1864).

...Описывать тебѣ пребываніе мое въ Варшавѣ не стоитъ того. Двѣ дѣвочки Еленевой премилыя; веселыя и добрыя, какъ обыкновенно бываютъ въ счастливые ихъ года. Разумѣется, дни прошли быстро въ пѣніи, шуткахъ и смѣхѣ. Вчера возилъ я ихъ въ театръ смотрѣть оперу „Виндзорскія кумушки“²⁾. И тутъ смѣхъ. Актеры, актрисы и хоры выходили изъ себя, какъ то не по обыкновенію. Елена не могла понять, что съ ними сдѣлалось. Пришелъ къ намъ въ ложу Монюшко и пояснилъ дѣло. Онъ объявилъ на сценѣ, что въ театрѣ находится петербургскій композиторъ, и артисты возымѣли желаніе отличиться. Вслѣдствіе этого опера шла и старательно, и играательно. Пѣвицы здѣсь не дурны; но публика глупѣе куръ. Пляшутъ ей балетъ, отъ котораго куры бы засмѣялись, а поляки, бывъ довольны, аплодируютъ. Сегодня вечеромъ Монюшко будетъ у меня. Игралъ онъ мнѣ свои новыя оперы. Талантъ его нѣсколько опошлялся подъ гнетомъ тупоумной публики, но при всемъ томъ не въ примѣръ выше обоихъ нашихъ новыхъ композиторовъ.³⁾ Такъ какъ я не боекъ на перо, то Софья Петровна³⁾ собирается сама описать тебѣ здѣшнее мое препровожденіе времени, а въ особенности успѣхи мои въ польскомъ языкѣ..... А. Даргомыжскій.

¹⁾ Даргомыжскій поѣхалъ въ путешествіе въ ноябрѣ 1864 года, вскорѣ послѣ смерти отца, и возвратился въ Петербургъ въ маѣ 1865 г. Мы опускаемъ изъ настоящихъ писемъ все, касающееся домашнихъ и личныхъ дѣлъ.

²⁾ Даргомыжскій разумѣетъ здѣсь Сѣрова, поставившаго только за годъ передъ тѣмъ (весна 1863 г.) «Юдишь», и А. Гр. Рубинштейна.

³⁾ Радзишевская, рожд. Еленева, замужемъ за полковникомъ Волынскаго полка Петромъ Ивановичемъ Радзишевскимъ; въ прежнее время она была одною изъ ученицъ Даргомыжскаго по частр пѣнія.

Оставляю здѣсь Софья Петровна для пересылки Николаю — Ляторку, съ которой я по вечерамъ ходилъ по Варшавѣ. Вы, по невѣжеству, не поймете что такое ляторка? такъ знайте, что ляторка попольски означаетъ фонарикъ. Эту ляторку вы получите отъ В. Т. Соколова, которому доставить ее мамаша его, скоро собирающаяся въ нему въ Петербургъ.

Берлинъ, 12-го ноября (1864).

Пошли маленькія *salamités du usage*. Отъ Варшавы до Бромберга и отъ Бромберга до Крейца ѣхалъ я великолѣпно. Почти одинъ въ шестимѣстномъ вагонѣ, курилъ и мечталъ на свободѣ. За 200 верстъ до Берлина нѣмцы втиснули ко мнѣ „страшную старушку“, Нанну въ германской шкурѣ. Всю дорогу она кашляла. Нѣчего дѣлать, пришлось спросить: не обезпokoитъ-ли ее сигара? она, сквозь зубы: *Ich huste ein wenig.* ¹⁾—Я сквозь зубы: *Nicht wenig, sondern sehr viel, madame!* ²⁾—*Aber genieren sie sich nicht.* ³⁾—*Nein, madame, ich will mich genieren!* ⁴⁾—Такъ и не курилъ всю дорогу. Сегодня въ часъ отправляюсь въ Лейпцигъ. Тамъ вѣроятно получу письмо твое. Теперь много некогда. Половина 11-го. Надо сходить кое-что купить для дороги, а въ 12 часовъ отправляться на машину. Обнимаю васъ всѣхъ. А. Даргомыжскій.

Забавно, что прусское таможенное начальство, увидавъ огромный мой сундукъ, перевязанный веревками, возмѣло подозрѣніе. Спрашиваютъ: *Was ist da?* — *Noten!* ⁵⁾ Не повѣрили. *Man muss aufmachen.* ⁶⁾ Полчаса развязывали. Открыли. Видятъ мѣшки. Какъ пошли развязывать: *Handschriften, Handschriften!* ⁷⁾ — Вышли изъ терпѣнія. *Gott behüte! Sie sind denn ein Musiker?* — *Ja wohl!* — *Warum sagten Sie es nicht gleich?* — *Warum glaubten Sie mir nicht gleich?* ⁸⁾ — Такъ и разошлись друзьями, однако, за барашка взяли сколько-то грошей.

Лейпцигъ, 14-го ноября (1864).

..... Ты пишешь, что многіе интересуются моими музыкальными дѣлами? Я вѣдь говорилъ, что ѣду главнѣйше для отдыха, а музыку отвожу на второй планъ. Пржеде всего боюсь скучать: между тѣмъ

¹⁾ Я кашляю немного.

²⁾ Не немного, а очень много.

³⁾ Но пожалуйста не стѣсняйтесь.

⁴⁾ Нѣтъ, сударыня, я хочу стѣсняться.

⁵⁾ Что тутъ?—Ноты!

⁶⁾ Надо раскрыть.

⁷⁾ Рукопись, рукописи!

⁸⁾ Господи помилуй! Такъ вы музыкантъ? — Ну да! — Зачѣмъ же вы сразу этого не сказали?—Зачѣмъ же вы сразу мнѣ не повѣрили?

находятъ на меня унылыя минуты—необходимое слѣдствіе одиночества. Напримѣръ въ Лейпцигѣ въѣхалъ я третьяго дня вечеромъ въ седьмомъ часу. Тоска обуяла. Спать плохо. На другой день утромъ съѣздили на почту, потомъ отыскалъ Демидовыхъ. И онъ и она обрадовались мнѣ какъ дѣти — игрушкѣ. Они всячески стараются удержать меня долѣе въ Лейпцигѣ. Вчера обѣдалъ я съ ними, а вечеромъ ѣздили вмѣстѣ въ театръ. Не случись Демидовыхъ здѣсь — а бы не увлекся ни Бренделемъ, ¹⁾ ни Кренделемъ, а махнулъ бы прямо въ Брюссель. Вотъ замъ и музыка. Многіе не повѣряютъ, но мнѣ все равно. Теперь покуда останусь здѣсь и повидаюсь съ пѣвцами. Что будетъ—не знаю. Цѣлую всѣхъ васъ. А. Даргомыжскій.

Брюссель, 1-го декабря (1864).

.....О музыкальности Лейпцига и моихъ съ нимъ отношеніяхъ напишу когда-нибудь на досугѣ. Одно только интересно знать русскому музыкальному кружку въ Петербургѣ—это то, что русскія сочиненія, посланныя въ Лейпцигъ еще, по разнымъ обстоятельствамъ, не исполнялись и обсуживаются знатоками. Изъ моихъ вещей они выбрали увертюру изъ „Русалки“ и „Казачка“. Полагаю, что исполненіе всѣхъ этихъ вещей въ Германіи ни на шагъ насъ не подвинетъ впередъ.....

Брюссель, 4-го декабря (1864).

.....Я получилъ всѣ письма: и твои и два письма Соколова. Благодарю и тебя и его за горячее ваше заступничество за мою сироту Наташу. ²⁾ Надѣюсь, что посланный мною отвѣтъ Соколову поправить сколько-нибудь дѣло. Вы, можетъ быть, не повѣрите, но я до такой степени считаю музыкальное мое поприще проиграннымъ въ Петербургѣ, что принимаю перетасовку пѣвицъ дирекціею совершенно хладнокровно. Жаль мнѣ только Платонову, которая хорошо поняла и, кажется, полюбила мою музыку. Хладнокровіе мое могутъ засвидѣтельствовать Блазъ и Леонаръ. ³⁾ Они были у меня, когда я распечаталъ письма твое и Соколова. Я смѣючись рассказать имъ, въ чемъ дѣло. Они сперва не повѣрили, а потомъ стали выходить изъ себя, доказывая, что ни одна театральная дирекція въ мірѣ не должна позволять себѣ распоряжаться такъ нагло противъ желанія

¹⁾ Брендель—лейпцигскій музыкальный критикъ и издатель газеты «Neue Zeitschrift für Musik». В. С.

²⁾ Рѣчь идетъ здѣсь о «Русалкѣ», гдѣ роль Наташи отняли, вопреки желанію автора, у Ю. Э. Платоновой и передали другой пѣвицѣ. В. С.

³⁾ Блазъ — кларнетистъ, Леонаръ — скрипачъ, познакомились съ Даргомыжскимъ еще въ Петербургѣ. В. С.

композитора. Здѣшніе артисты оказываютъ мнѣ большое вниманіе. Ты пишешь, что многіе требуютъ подробныхъ свѣдѣній по музыкальной части, и интересуются знать о моихъ личныхъ отношеніяхъ съ здѣшними музыкальными мірами. О заграничной музыкальности и о театрахъ когда-нибудь напишу мое мнѣніе. Надо сперва осмотрѣться и вывѣнуть. На обумъ болтать есть тѣмъ охотниковъ—я не изъ ихъ числа. Что касается до моихъ музыкальныхъ дѣлъ, то, разумѣется, если будетъ что-нибудь интересное, напишу вамъ. — Ты спрашиваешь, гдѣ я дирижировалъ „Казачка“ и прочее? Это было на частной релетициі, для себя и для немногихъ охотниковъ. Въ Лейпцигѣ знали меня, но немногіе. Въ бруссельскомъ же музыкальномъ мірѣ я, къ удивленію моему, пользуюсь совершенною извѣстностью. Мнѣ оказываютъ почетъ побольше чѣмъ въ Петербургѣ. Мнѣ прислали тотчасъ билетъ на концерты главнаго музыкальнаго общества. Фортепьянный мастеръ не хочетъ брать съ меня денегъ за прокатъ фортепьянъ. Вчера я представился главному здѣшнему капелмейстеру Гансену, положительно лучшему здѣшнему музыканту, пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что съ первыхъ же словъ предложилъ мнѣ: *Monsieur, si vous avez une composition que vous désirez faire entendre ici, nous serons heureux de l'exécuter dans notre premier concert*¹⁾. — Можешь себѣ представить, какъ все это для меня странно, послѣ всѣхъ оскорбленій, вынесенныхъ мною въ милой Россіи! Я говорю Блазу: *Mon cher, c'est vous qui avez arrangé tout cela?*²⁾ Онъ говоритъ: *Vous êtes fou! comment voulez vous qu'on ne vous connaisse pas? Fétis a de vos ouvrages au conservatoire; il a souvent parlé de vous dans ses articles. Ce n'est pas notre faute, si vous ne lisez rien: je leurai dis seulement que le compositeur russe est arrivé, et voila tout.*³⁾ Серве я еще не видалъ. Онъ живетъ около Брюсселя..... До 3-го января (нашего стиля) можешь писать ко мнѣ à Bruxelles, Hôtel de Suède, № 70. Если останусь долѣе—увѣдомлю. Теперь предстоитъ мнѣ много дѣла. Можетъ быть не скоро получишь отъ меня извѣстіе. Вообрази, что у мадамъ Блазъ голосъ почти также свѣжъ, какъ и прежде. Ноты читаетъ какъ книгу. Дочь ихъ премилая, отлично воспитана и тоже хорошая музыкантша. Всѣхъ васъ обнимаю отъ всей души.

¹⁾ Если у васъ есть сочиненіе, которое вы хотите исполнить здѣсь, мы очень рады сыграть его въ первомъ нашемъ концертѣ.

²⁾ Мой милый, это вы все устроили?

³⁾ Да вы съ ума сошли! Какъ вы хотите, чтобъ васъ не знали? У Фетиса есть ваши сочиненія въ консерваторіи; онъ часто говоритъ о васъ въ своихъ статьяхъ. Мы не виноваты, если вы ничего не читаете: я имъ только сказала, что русскій композиторъ пріѣхалъ, вотъ и все.

Брюссель, 14-го декабря (1864).

Давно я не писалъ тебѣ. Причина тому—множество музыкальной работы. Я готовлю партіи оркестра къ репетиціи большого концерта, въ которомъ будутъ играть увертюру изъ „Русалки“. Оркестръ великолѣпный. Батарея изъ десяти контрабасовъ. Звукъ могущественный. Гансенсъ, который теперь уже познакомился съ моими партитурами, оказываетъ ко мнѣ большое расположеніе. Онъ жалѣетъ, что програма концерта мѣшаетъ исполнить „Казачка“. Но узнавъ, что я желаю бы слышать его въ хорошемъ оркестрѣ, предложилъ мнѣ исполнить его на репетиціи, это для меня еще лучше. Ты знаешь, что я иду не славы, а собственнаго удовольствія. Гансенсъ большой оригиналь, но одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ артистовъ въ свѣтѣ. Онъ не увлекается ни именемъ, ни авторитетомъ. Онъ любитъ новое, любитъ творчество.

Весьма естественно, что русская музыка, своеобразно основанная на свѣжихъ національныхъ элементахъ, а по фактурѣ не уступающая никакой нѣмецкой музыкѣ, преимущественно обращаетъ на себя его вниманіе. Онъ тоже спрашивалъ меня о Глинкѣ, и любитъ его „Камаринскую“ и „Хоту“. Лейпцигскіе профессора тоже находятъ нашу музыку „sehr interessant“¹⁾ и собираются исполнять ее, но они понимаютъ въ ней только одну сторону — сторону фактуры. Национальность для нихъ недоступна. Между ними даже есть такіе отсталые, которые принимаютъ нѣкоторые наши гармоническія затѣи за недостатокъ музыкальнаго образованія. Вотъ какъ любишь! Впрочемъ, гдѣ же и быть консерваторамъ, какъ не въ консерваторіяхъ? Мнѣ здѣсь какъ-то удалось обратить на себя вниманіе всего музыкальнаго міра: безпрестанно приглашаютъ меня на квартеты, на разныя хоровыя собранія, такъ что времени не хватаетъ. На дняхъ одинъ директоръ хоровъ любительскихъ пригласилъ меня на репетицію. Хоры разучивали „Гоеолію—“Мендельсона. Дирижеръ хоровъ отличный музыкантъ, но не пѣянистъ. Мендельсона довольно трудно играть. Я предложилъ ему свои услуги. Дѣло пошло очень исправно. Хоры остались довольны, и нѣкоторые зватоки похвалили мой аккомпаниментъ. Тогда дирижеръ объявилъ во всеуслышаніе: „Mais c'est m-r Dargominsky, le compositeur russe de St.-Petersbourg!“²⁾ Поднялся гвалтъ. Аплодисменты и топотъ ногами. (Здѣсь такая манера, свободное государство!)

Ты совсѣмъ замучилась хлопотами о „Русалкѣ“. Я радъ, что ты ока-

¹⁾ Очень интересною.

²⁾ Да вѣдь это Даргоминскій, русскій композиторъ изъ Петербурга!

зала услугу Ю. О. Платоновой, но что касается до самого дѣла, то, право, не стоитъ того развѣзжать по Федоровымъ и Боркамъ въ рождественскіе морозы. Ты поминишь, какъ одинъ балный кавалеръ говорилъ съ дамой своей о лошадахъ и выразился такъ: „Вѣдь эту лошадь какъ ни корми, она все-таки будетъ стерва“. Я точно также могу сказать и о „Русалкѣ“: ты эту оперу какъ ни обстанови, она все-таки для петербургской публики не годится... Ты все жалуешься, что я не пишу о музыкѣ. Ну вотъ вамъ цѣлое музыкальное письмо. Подробности буду рассказывать по пріѣздѣ. Впрочемъ можетъ случиться, что я еще останусь здѣсь и июнь мѣсяць, потому что главные наши проекты рассчитаны на лѣтніе концерты которые даются здѣсь въ королевскомъ паркѣ! Концерты эти не то, что въ Германіи или у насъ, въ Павловскѣ, лѣтнія увеселенія. Здѣсь играетъ весь оперный оркестръ и дирижируетъ самъ Гансенсъ. Я занятъ цѣлые дни, скуки не вѣдаю, а все чего-то не достаетъ. Нѣтъ русскихъ барышень, нѣтъ ученицъ, нѣкого выдавать замужъ... Прилагаю вырѣзку изъ здѣшней газеты — вотъ какъ насъ чествуютъ. Впрочемъ, это все пустяки, а какъ-то пройдетъ репетиція концерта? это не пустяки. Прощай. А. Д.

Брюссель, 20-го декабря 1864.

Душевно радуюсь, что мнѣ, хотя однимъ письмомъ, удалось угодить вамъ. Я описываю только дѣйствительность: слѣдовательно удовольствіе ваше или неудовольствіе должны относиться къ обстоятельствамъ, а не ко мнѣ. Притомъ мы и смотримъ-то въ разныя стороны. Вы, отирая меня, въ воображеніи своемъ какъ-будто наложили на меня обязанность хлопотать о своей музыкѣ и искать артистической славы. Между тѣмъ моя програма совсѣмъ другая: во-первыхъ, удалиться на время отъ петербургскихъ гнусностей (которыя вы теперь испытываете на себѣ), а во-вторыхъ, развлечься новизной и разнообразіемъ кочующей жизни. Чемоданчикъ съ музыкой взялъ я съ собой на всякій случай, то-есть на случай возможности исполненія ея, безъ всякихъ особенныхъ, съ моей стороны, хлопотъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что Брюссель какъ разъ подошелъ подъ мою програму. Нѣтъ сомнѣнія, что и Лейпцигъ, при всей отсталости своей въ музыкѣ, если бы я только могъ выжить въ немъ известное время, охотно бы принялъ меня въ число своихъ концертныхъ, а можетъ быть даже и оперныхъ, дѣятелей. Все, что я ни игралъ профессорамъ изъ моихъ сочиненій, оказывалось или sehr neu! (очень ново) или interessant (интересно). Но спрашиваю, какая возможность оставаться долго въ закоптѣломъ городѣ (sic), гдѣ нѣтъ театровъ, гдѣ женщины уроды, гдѣ обѣдаютъ въ часъ, а въ 10-ть часовъ ве-

чера уже хранятъ, а на улицахъ тушатъ фонари. Брюссель—другое дѣло. Въ немъ соскучиться мудрено. Это Парижъ въ миниатюрѣ. Опера, прелестный балетъ, три французскіе театра, циркъ и разныя другія увеселенія. Что касается до артистическихъ моихъ похощеній, мнѣ только остается думать, или что я дѣйствительно замѣчательный талантъ, или что нахожусь подъ покровительствомъ какой-нибудь благодѣтельной феи! Скучно и долго описывать вамъ всѣ вниманія ко мнѣ здѣшняго музыкальнаго міра. Всюду меня приглашаютъ, вездѣ стараются исполнить для меня разныя сочиненія здѣшнихъ композиторовъ. Сперва я принималъ это за простую любезность, но потомъ убѣдился, что ошибаюсь, просто отъ непривычки слыть великимъ артистомъ. Дѣло-то довольно просто: если Вагнеръ, или даже Сѣровъ, могутъ играть такую роль въ Петербургѣ, отчего же мнѣ не играть ее въ Брюсселѣ? Но я отношу это все къ феѣ, потому что, во-первыхъ, „люблю феѣ, сестра!“ (подражаніе Фон-Визину), а во-вторыхъ потому, что до сихъ поръ я не дѣлалъ здѣсь шагу для пріобрѣтенія извѣстности, а какъ обыкновенно, только шутилъ съ m-me Léopard, да съ m-elle Blaes, да съ другими бельгійками, а съ профессорами только гулялъ да обѣдалъ! Послѣ вчерашней репетиціи, можетъ быть, между шутками, займусь немножко и дѣломъ. Вотъ какъ было. На предложеніе Гансенса исполнить что-либо мое въ первомъ концертѣ главной музыкальной ассоціаціи, я послалъ ему двѣ партитуры: увертюру изъ „Русалки“ и „Казачка“. Онъ выбралъ увертюру, а „Казачка“ отложилъ для лѣтнихъ концертовъ, но обѣщалъ проиграть его для меня на репетиціи. Третьяго дня приходитъ ко мнѣ первый здѣшній контрабасистъ, профессоръ консерваторіи Верньё. Ему поручено было отъ Гансенса распорядиться припискою оркестровыхъ партій, такъ какъ въ оркестрѣ 20 первыхъ скрипокъ, 16 вторыхъ, 10 альтовъ и 10 контрабасовъ. Верньё говоритъ: „Vous savez que c'est demain la répétition?—Oui, à quelle heure?—A deux heures.—Et qu'est ce qu'on répète encore?—Mais rien: c'est pour vos morceaux qu'on a convoqué l'orchestre.—Comment, tout l'orchestre viendra, rien que pour jouer mes deux morceaux?—Mais oui, puisqu'on doit les faire plusieurs fois!“¹⁾ Я еще не совсѣмъ повѣрилъ. Вечеромъ былъ въ оперѣ. Спрашиваю незнакомыхъ мнѣ музыкантовъ—дѣйствительно всѣмъ повѣщено быть завтра въ 2 часа въ залѣ „La grande Harmonie“. „Mais qu'est-ce que vous allez faire?—

¹⁾ Вы знаете, что завтра репетиція?—Въ которомъ часу?—Въ два часа.—Что же будутъ репетировать?—Да ничего посторонняго: это для вашихъ пьесъ собрали оркестръ.—Какъ, только для того, чтобы проиграть мои двѣ пьесы съиваятъ оркестръ?—Да, но вѣдь эти пьесы нужно повторить нѣсколько разъ.

Ah, on va essayer quelques morceaux d'un compositeur russe!"¹⁾ Тутъ я въ первый разъ призадумался. Воротясь домой, я мысленно очутился передъ довольно пекотливою дѣйствительностію. Одинъ, въ большой столицѣ, въ одномъ изъ самыхъ музыкальныхъ городовъ, не имѣя никакой европейской извѣстности, выходить на сужь 86 человекъ артистовъ серьезныхъ, переигравшихъ и переслушавшихъ всевозможныя музыкальныя произведенія, — артистовъ, съ которыми ни родства, ни свойства, ни дружбы не имѣю, которыхъ созвали только для того, чтобы исполнить мои сочиненія,²⁾ наконецъ которые привыкли громко и безъ всякихъ церемоній выражать свое мнѣніе. Было о чемъ подумать! На другой день Блазъ зашелъ за мною, и мы отправились въ залу. Собрался оркестръ. Встроился горой. Наверху рядъ 8-ми контрабасовъ, внизу—два. Грянули увертюру. Фея какъ тутъ! По окончаніи поднялся одобрителный гвалтъ. Гансенсъ закричалъ: „C'est que c'est diablement fameux!"³⁾ Съиграли увертюру три раза. Всякій разъ гвалтъ значительно усиливался. Было видно, что музыканты все болѣе и болѣе вникали въ характеръ мотивовъ и гармоніи, которые были для нихъ новы. Затѣмъ съиграли два раза „Казачка“. Опять такой же гвалтъ, только съ прибавленіемъ хохота. Однимъ словомъ, фея распорядилась какъ нельзя лучше! Я бывалъ свидѣтель, какъ петербургскій оркестръ аплодируетъ своимъ знаменитостямъ: Рубинштейну, Вагнеру, Лядову, Сѣрову; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какъ меня здѣсь отхлопали. Но болѣе всего порадовало меня то, что я еще въ первый разъ услышалъ свою увертюру въ залѣ, исполненную великолѣпнымъ оркестромъ. (Къ сожалѣнію, я не былъ въ томъ концертѣ, гдѣ ее дирижировалъ Балакиревъ). Чтò ни говори, петербургскіе „благороднѣйшіе люди“,⁴⁾ но увертюра положительно хороша. Блазъ, Леонаръ и другіе артисты смѣются надо мной, что я въ какія-нибудь три недѣли, шута и гуляя, достигъ такихъ, по ихнему, блестящихъ результатовъ. „Mais vous tombez continuellement dans le beurre!"⁵⁾ Они увѣряютъ, что Гансенсъ самый несговорчивый человекъ: что если онъ собралъ оркестръ и посвятилъ цѣлую репетицію для разучиванія мо-

¹⁾ Что же вы будете исполнять?—А, будутъ репетировать нѣсколько сочиненій одного русскаго композитора.

²⁾ Этого вообще всѣ оркестры зѣло не любятъ! Прим. А. С. Д.—го.

³⁾ Это чертовски хорошо!

⁴⁾ Это было одно изъ любимыхъ выраженій Даргомыжскаго. Онъ подъ нимъ разумѣлъ тогдашнюю театральную дирекцію, начальника репертуарной части и дирижера Лядова.

В. С.

⁵⁾ Вы вѣчно попадаете въ масло!

ихъ вещей, это значить, что онъ высоко цѣнить талантъ мой; что онъ осажденъ композиторами и ни съ кѣмъ не перемонится. Прощаясь послѣ репетиціи, Гансенсъ говоритъ мнѣ: „A présent je m'en vais travailler sur votre nom“¹⁾ (имъ не легко дается выговаривать мою фамилію). Чтобы облегчить ему работу, я сегодня утромъ отвезъ ему визитную карточку (сегодня здѣсь новый годъ, 1-е января). Концертъ назначенъ 7-го января, т. е. въ субботу. О публикѣ забочусь я мало. Публика какъ всѣ публики — кукушка! Но съ здѣшнимъ артистическимъ міромъ прошу не шутить. Одной свинцовой усидчивостью его не удовлетворишь. Онъ хочетъ новаго, да жизненнаго; а обработка сама собою. Прощайте. Я увѣренъ, что многіе у васъ порадуются моему успѣху болѣе нежели я самъ. А. Даргомъжскій.

21-е декабря (1864).

Вчера мнѣ не удалось отправить этого письма. Новый годъ вездѣ суета. Сегодня—опять фея. Этакая проказница! видно хочетъ уморить „благороднѣйшихъ людей“. Пришелъ ко мнѣ Артò, отецъ знаменитой пѣвицы. Говорить: Savez vous qu'il a été question hier de faire aussi „La Cosaque“ dans le concert? c'est si intéressant!²⁾ Вотъ какъ любишь!—и програму концерта измѣняютъ. Значить разохотились!

(Брюссель), 21-го декабря (1864).

....Щиглеву кланяйся: только мысль его—показывать письма мои въ дирекцію нахожу неудачною, а главное не въ моемъ духѣ. Но всѣ письма мои, гдѣ есть что либо о музыкѣ и артистахъ или о моихъ забавныхъ артистическихъ похожденияхъ, можешь чрезъ Вельяминова передавать для прочтенія Кюи. Онъ музыкантъ дѣльный, и извлечетъ изъ нихъ кое-что для своихъ статей; а захочетъ, такъ замолвить и о моихъ успѣхахъ, потому что описываю вамъ одни факты безъ прибавленія. Впрочемъ, полагаю, что рано или поздно и здѣшніе журналы заговорятъ. Одно бѣда: „Indépendance“ въ рукахъ Фетисовъ—отца и сына. Они съ Гансенсомъ на рогахъ. Полагаю, что они не рискнутъ бранить меня, но весьма можетъ быть, что отдѣляются молчаніемъ. Прощай, кланяйся всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ. А. Д.

Брюссель, 27-е декабря 1864.

.....Прилагаю при этомъ письмѣ вырѣзку изъ газеты „L'Etoile belge“, которая вкратцѣ рассказываетъ о репетиціи моей. Ты видишь по

¹⁾ Теперь я пойду разучивать ваше имя.

²⁾ Знаете, вчера шла рѣчь о томъ, чтобы сыграть также «Казачка» въ концертѣ? Вѣдь это такъ интересно!

слогу, что это не реклама, а просто сжатая передача дневнаго факта, который описанъ мною въ подробности въ прошломъ письмѣ. Еще посылаю програму концерта. Этотъ концертъ былъ вчера. Какъ я предсказывалъ, публика оказалась, какъ всѣ публики. Она, разумѣется, приняла прилично увертюру мою, какъ принимаетъ симфоніи Бетгоvena, какъ приняла симфонію Гансенса, въ которой первое аллегро несравненно лучше моей увертюры. Она ревѣла отъ восторга надъ флажолетами и пиччи-арками скрипача Лотто, который просто выводилъ меня изъ терпѣнія безвкусией и тривіальностью, какъ сочиненія, такъ и исполненія. Къ стыду моему, публика заревѣла и отъ „Казачка“ моего! Это была бы для меня истинная обида, если бы оркестръ и всѣ великіе здѣшніе артисты не восхищались имъ. „La Cozaque“ сдѣлался ихъ „enfant chéri“. Огромная зала была набита битвомъ. Я сидѣлъ въ галереѣ, съ боку, вмѣстѣ съ Блазами. По окончаніи концерта, стали меня вызывать. Я не зналъ куда дѣться. Шумъ страшный, потому что здѣсь и оркестръ аплодируетъ и вызываетъ наравнѣ съ публикой. Я сталъ пробираться въ тѣсотѣ чрезъ всю залу. Ужъ сколько переломалъ криволиновъ—и счету нѣтъ. Конфузно ужасно: всѣ смотрятъ въ розу. Только и слышишь: *Tiens, l'auteur est ici! Ah, le voilà!.. Ah, il est a Bruxelles! Tiens, il est russe!?*¹⁾, то есть ни одного медвѣдя такъ собаками не травили! — Дамы обступили меня—приглашать къ себѣ. *J'ai été en Russie!—J'ai été à Pétersbourg!*—*Ah monsieur, je suis persuadée que vous avez de charmantes mélodies nationales, j'aurais eu tant du plaisir à les connaitre и проч.*²⁾ Возвращаюсь назадъ, таже потѣха! Кое-какъ добрался до разбора шинелей и пальтѣ. Подаю нумеръ; молодые люди, подавшіе свои нумера прежде меня, говорятъ дамѣ, раздающей верхнюю одежду: *Servez monsieur! Servez monsieur avant nous! Признаться,*

*Dieu, que j'étais las
De tant de plaisir!*³⁾

Скажу тебѣ чистосердечно, что репетиція моихъ вещей была для меня во сто разъ пріятнѣе и лестнѣе, чѣмъ вся эта дурацкая комедія. Сегодня поутру слуга отеля говорить мнѣ: *Monsieur, on cause*

¹⁾ Ба, авторъ здѣсь! — А, вотъ онъ. А! онъ въ Брюсселѣ?—Вотъ какъ, онъ русскій!?

²⁾ Я была въ Россіи! — Я тоже была въ Петербургѣ! — Я увѣрена, что у васъ есть прелестныя національныя мелодіи. Я такъ буду рада ихъ услышать.

³⁾ Господи, какъ я усталъ отъ такого удовольствія!

de vous, on dit que vous êtes un homme de talent! 1) Я объѣдаю сегодня у Влаза. Никто меня такъ не смѣшитъ, какъ мадамъ Blaes. Ты помнишь ея протяжную манеру говорить: Mais c'est extraordinaire! Il va voir le ballet, il flâne, il dîne, il va parler aux demoiselles de magasin, et voilà qu'on fait des répétitions pour lui, et on exécute sa musique, et je ne serais pas étonnée qu'on montât son opéra. 2) А я ей все пою изъ оперы Обера: „La part du diable“, гдѣ одинъ господинъ сдѣлалъ условіе съ чортомъ, и ему все удается. Только я отношу къ благодѣтельной феѣ и пою: Mais elle doit me protéger! 3) Впрочемъ, фея можетъ свихнуться. Мнѣ сегодня говорили, что Фетисъ уѣхалъ изъ концерта прежде конца и можетъ быть замышляетъ что-нибудь, для меня неблагоприятное. Партію Фетиса сердить, зачѣмъ Гансенсъ и оркестръ меня полюбили, и дѣлаютъ для меня все, что можно. Прощай, обнимаю васъ всѣхъ. А. Д.

Не знаю, еще долго-ли останусь въ Брюсселѣ. Есть еще проекты, но не знаю, удадутся-ли, какъ до сихъ поръ удавались.

(Къ этому письму прилеена вырѣзка изъ «Etoile Belge» слѣдующаго содержанія, на французскомъ языкѣ: «Въ субботу, въ заѣтъ общества «La grande Harmonie» происходило одно изъ интереснѣйшихъ музыкальныхъ собраній. Со всегдашней своею благосклонностью къ крупнымъ артистамъ, г. Гансенсъ посвятилъ всю репетицію 2-го концерта ассоціаціи музыкантовъ исполненію сочиненій г. Александра Даргомыжскаго, единственнаго нынче представителя русской музыки. Успѣхъ г. Даргомыжскаго былъ очень великъ, и брюссельской публикѣ предстоитъ удовольствіе слышать, въ концертѣ 7-го января, его музыку, запечатленную столько же изящнымъ, какъ и оригинальнымъ характеромъ»).

Брюссель, 29-го декабря 1864.

...Ты ничего не пишешь о томъ, чѣмъ кончилась катавасія между Платоновой и Михайловской, а говоришь только, что дѣти грустятъ, что не даютъ „Русалку“. Развѣ рѣшено, что она не пойдетъ? Впрочемъ, бѣда была-бы не велика. Здѣшнія газеты еще не давали отчета о нашемъ концертѣ. Хотя здѣсь, какъ и вездѣ, есть журнальныя партіи и интриги, но Влазъ полагаетъ, что онѣ не рискнуть отозваться обо мнѣ невыгодно, потому что успѣхъ былъ слишкомъ публиченъ. Въ особенности артисты и оркестръ всѣ за меня. Сдѣлай одолженіе, передай вырѣзку изъ газеты „L'Etoile Belge“ о мой репетиціи—К юи, чрезъ Вельяминова, и проси, чтобы онъ въ статьѣ своей въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечаталъ ее. Не знаю еще, долго-ли пробуду въ Брюсселѣ, но во всякомъ случаѣ продолжай покуда писать

1) Объ васъ вездѣ говорятъ. Говорятъ, что вы таланты!

2) Это просто удивительно! Онъ ѣздитъ въ балеты, объѣдаетъ, фланируетъ, болтаетъ съ продавщицами, а между тѣмъ для него дѣлаютъ репетиціи, и исполняютъ его музыку; пожалуй поставятъ его оперу!

3) Но она должна мнѣ покровительствовать.

по тому же адресу: я уже распорядюсь, чтобы письма не пропадали. Гансенсъ большой оригиналь. Его всё уважають, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побаиваються. Ко мнѣ онъ расположенъ чрезвычайно. Теперь просматриваетъ мои оперы. Онъ сказалъ мнѣ: J'en parlerai sérieusement au directeur.¹⁾ Но вотъ какое дѣло: театральная публика здѣсь невыносима; кричить и свистеть въ такіе свистки, что уши лометь. Между тѣмъ въ музыкѣ также мало смыслить, какъ и петербургская. Если бы, напримѣръ, меня упрасивали поставить здѣсь „Русалку“, я бы ни за какіе валахи не рѣшился. „Торжество Вахъа“ рискнуть можно. Оно коротко. Для артистовъ занимательно; а абоненты жаловаться не могутъ, потому что вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ другая большая опера или балетъ. Гансенсъ и оркестровые музыканты очень не прочь отъ этого проекта, но директора театра адѣсь нѣтъ. Онъ въ Парижѣ и скоро будетъ назадъ. Другіе артисты не совѣтуютъ мнѣ что-либо давать теперь, потому что абоненты ужасно сердиты на дирекцію и на все изъявляютъ свое негодованіе. Что касается до меня, скажу, положи руку на сердце, что ежели рѣшусь ставить здѣсь „Торжество Вахъа“, то уже никакъ не изъ желанія угодить публикѣ, или произвести эффектъ, но единственно только потому, что это пріятно займетъ меня на цѣлый мѣсяцъ. Здѣшній теноръ премилый французъ; балетчицы пресимпатичныя; стало быть можно провести время не скучно. А это главное мое желаніе. Русскихъ здѣсь почти не видать; впрочемъ, я еще не былъ въ русской церкви. Говорять, ихъ тамъ всёхъ можно встрѣтить. Удивляюсь, что такъ мало русскихъ поселяется въ Брюссель, который несравненно пріятнѣе Дреадена. Впрочемъ, здѣшняя аристократія и ничтожная, и гордая. Общество, говорятъ, эгоистичное и скупое.... А. Д.

Брюссель, 5-е января 1865.

Посылаю тебѣ вырѣзку изъ газеты „Indépendance Belge“. Эта газета получается у васъ въ Петербургѣ и много читается. Статья о концертѣ была въ 12-мъ № отъ 12-го и 13-го января, разумѣется здѣшняго стили. Статейка эта хотя небольшая, но для Брюсселя весьма значительна. „Indépendance Belge“ газета политическая, серьезная, которая по части искусствъ и городскыхъ новостей передаетъ одно только замѣчательное. Какъ нарочно, здѣшнія газеты краткѣ подтверждаютъ все то, что я рассказываю вамъ въ моихъ письмахъ. Мнѣ только противно видѣть, какъ „Indépendance“ относится о Гансенсъ. Симфонія его—произведеніе замѣчательное, а первое аллегро—въ высшей степени ново и интересно. Вообще онъ, какъ музыкантъ

¹⁾ Я о нихъ серьезно поговорю съ директоромъ.

и композиторъ, выше здѣшняго общества и журнальнаго міра. Если будутъ еще статьи въ газетахъ о нашемъ концертѣ, то пришлю тебѣ, а прилагаемую вырѣзку передай Кюи. Если онъ напечатаетъ ее въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“,—оно будетъ назидательно для „благороднѣйшихъ людей“... Особенно интереснаго ничего не имѣю передать вамъ. Бываю въ разныхъ музыкальныхъ собраніяхъ и концертахъ. Пускаюсь немного въ общество. Но все это не занимательно. Общество глупо: и не понимаетъ и не цѣнитъ своего блестящаго артистическаго міра. Перевожу многіе свои романсы по-французски. „Ванька Танька“ въ два голоса¹⁾ производитъ страшный эффектъ! Вчера въ оперѣ видѣлся я съ Гансенсомъ. Весь городъ зоветъ его не иначе какъ „l'ours“ (медвѣдь). Но ко мнѣ онъ расположенъ, какъ, говорятъ, не бывалъ ни къ кому. Говоритъ мнѣ, вчера: *Si j'étais rentier, j'irais voyager avec vous. J'aurais dirigé vos compositions, et vous auriez dirigé les miennes*²⁾. И ему и оркестровымъ артистамъ очень бы хотѣлось поставить мое „Торжество Вахха“. Имъ ужасно надоѣлъ здѣшній репертуаръ. Но я положительно ни о чемъ не хлопочу. Пусть дѣлаютъ какъ знаютъ. Будетъ здѣсь дѣло—останусь. Не будетъ—уѣду въ Парижъ: но отъ программы своей не отступлю. Съ одной стороны за здѣшнюю театральную публику выхожу противно. Съ другой—сблизиться съ театромъ приятно. Танцовщицы симпатичны. Пусть судьба рѣшаетъ. Прощай, обнимаю васъ“.

(Къ этому письму прилеена вырѣзка изъ „Indépendance Belge“, на французскомъ языкѣ):

«Второй концертъ Ассоціаціи брусельскихъ музыкантовъ доставилъ любителямъ рѣдкій случай оцѣнить достоинство одного русскаго композитора. Г. Александръ Даргомыжскій, очень извѣстный петербургскому музыкальному міру, представилъ въ первый разъ свои сочиненія на судъ брусельской публики. Исполняли одну увертюру для большого оркестра и фантазію на казачью танцевальную тему, также для оркестра. Если г. Даргомыжскій аматеръ по своему положенію, то онъ въ то же время художникъ по своему таланту. Оба сочиненія, только что прослушанныя и проанодированныя посѣтителями концертовъ Ассоціаціи, обличаютъ полное знаніе техническихъ средствъ, и въ то же время доказываютъ творческую способность совершенно необычайную. Планъ увертюры намѣченъ хорошо; идеи развиваются здѣсь ясно и естественно; инструментовка блестяща безъ злоупотребленія звуковыми средствами. Фантазія на казачью тему элегантна и очень оригинальна. Послѣ этой пьесы, г. Даргомыжскій былъ вызванъ оркестромъ и публикой. Значитъ, мы заявляемъ здѣсь объ истинномъ успѣхѣ»).

Сообщ. В. В. Стасовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ванька-Танька — цыганская пѣсня, къ которой Даргомыжской придѣлалъ очень интересную вторую партію голоса. Это одна изъ хорошихъ его вокальныхъ пьесъ.

В. С.

²⁾ Еслибъ я былъ капиталистъ, я бы поѣхалъ путешествовать съ вами. Я бы дирижировалъ ваши сочиненія, а вы—мон.